

Ростовская вопленица Анисья Серебрякова

Е.Е. Васильева

Среди фольклорно-этнографических материалов собрания А.А. Титова, хранящегося в Российской Национальной библиотеке, особое место занимает большой корпус текстов, реализующих масштабный замысел записи причитаний Ростовского края¹. Начатое дело не было завершено изданием, не была продолжена и запись фольклорных текстов. СобираТЕЛЬСКАЯ работа, которая, несмотря на все катаклизмы XX в., так упорно и обстоятельно разворачивалась по России, для Ростовской земли совершилась в последней трети XIX в.²

Причины, по которым столичные исследователи устремлялись на Север – к Онеге, Белому морю и великим северным рекам; затем в западные земли – Смоленщину, Псковщину, Брянщину, и в южные пределы Московской Руси, можно обобщить немудреной формулой: искали клады. Искали необычные звучания, особенный диалект, странные обряды – все, что представлялось седой древностью, было непохоже на повседневный быт и непривычно взгляду. А жизнь ростовских обывателей, городских и сельских, издавна была динамичной; она включала в себя давно усвоенные черты книжной культуры и всевозможные инновации.

Наследие, историческая память сохранялись в сбережении храмов, книжных сокровищ, почитании святых; и если оформлявшаяся в этот период фольклористика все более решительно отделяла свой предмет от других форм культуры, то для ревнителя и собирателя родной старины такое противопоставление не было существенным. А.А. Титов инициировал собиРание причетной поэзии, воодушевленный трудами Е.В. Барсова и образом заонежской вопленицы Арины Федосовой. Он не сомневался в результате – потому ли, что причитания были ему знакомы, или просто в силу доверия к общим для всего народа идеям, формам обрядовой жизни и поэтической системы, которые на Ростовской земле непременно должны были существовать. Благодаря этому доверию к своему краю оказался зафиксированным материал, которому еще предстоит занять свое место среди сокровищ фольклористики.

Представления о локальных фольклорных традициях, их разнообразии, глубине различий между ними стали аксиомами спустя столетие, а в ту пору естественным было стремление найти продолжение того, что было открыто первыми публикациями. По мере прирастания материала интерес все больше смещался в сторону свойств каждой местной традиции, изменялась и методика собиРания. Но даже в

близких по времени трудах Е.В. Барсова и сотрудников А.А. Титова (многие из них остаются безымянными) много различий, но мы не можем на них останавливаться в рамках настоящей статьи, цель которой – представить фигуру ростовской вопленицы, запечатленную наиболее полно и последовательно.

Во второй половине XIX века постепенно сложилась определенная форма подачи эпоса и причитаний. Эти виды «устной словесности» рассматривались как соединение вечной народной памяти и личного искусства сказителя или причитальщицы, и потому текстам сопутствовали сведения об исполнителях³. Многие фольклорно-этнографические материалы Титовского собрания снабжены краткими указаниями об информаторах, но в большой рукописи, содержащей перебеленные материалы⁴, есть только один комплекс, отвечающий установившейся практике, только однажды приведена биография. Именно такое заглавие предпослано двум листам, замыкающим обширный ряд поэтических текстов. Приведем состав комплекса полностью – так, как он размещен и назван:

1. Похоронные причоты или вопли, записанные со слов

	бобылки Анисьи Феодоровны Серебряковой, бывшей крепостной господ Ошанских, а потом Всеволодских. Деревни Микулкиной.	л. 41 – 49.
2.	Обряды погребения	л. 49 – 49 об.
3.	Стихи, петье в посте:	л. 49 об – 50 об.
	- Как пошел человек («Милосердная жена»)	
	- Пошел человек на Сионску гору («Огненная река»)	
3.	(Рекрутские причеты):	л. 51 об. – 55.
	- Вопль жены по мужу, когда его отдают в рекруты	
	- Вопль матери по рекруте	
	- Сирота рекрут	
4.	Крестьянская свадьба в ростовском уезде	л. 55 – 76.
5.	Свадебные приметы	л. 76 об.
6.	Биография Анисьи	л. 76 об. – 78.

Имя Анисьи присутствует в названиях первого и последнего разделов. Можно подумать, что оно объединяет весь материал. Однако в «Крестьянской свадьбе» использованы фрагменты других описаний и приведены причитания, которые помещены в той же белой рукописи⁵. Пометы о местах записей позволяют понять основание такого объединения (мы обратимся к этому обстоятельству несколько позже). Имена же указаны не все: обстоятельное описание, содержащее из текстов только песни, помечено именем учительницы Маклаковой; свадебные причитания записаны от Марфы Кругликовой, а имя того, кто их записывал, не указано, также как и имя автора записей похоронных *воплей* и *биографии* Анисьи. Что касается *сти-*

хов и рекрутских воплей, то мы можем предполагать о принадлежности их той же местной традиции, но ничего не знаем о личности исполнителя.

Реплика, предвещающая причоты или вопли Анисьи, позволяет найти «привязку к местности» благодаря титовскому **Описанию Ростовского уезда**⁶. «Никулкино (в транскрипции собирателя Микулкина⁷) деревня, находящаяся при прудах, в 36 верстах от уездного города, влево от суздальской дороги; имеет 36 дворов, 11 рев. душ и 110 наделов; прихода с. Лазарцева-Фомина»⁸. Следующим номером в описании селений Вошажниковской волости идет Тормасово, «помещичье сельцо, состоящее из 26 домов, 75 душ и 76 наделов; находится при колодцах и прудах, в 36 верстах от Ростова; Лазарцевского прихода»⁹. На карте Никулкино и Тормасово расположены рядом, и на столь же близком расстоянии за Тормасовым – село Лазарцево-Фомино, которое принадлежит другой волости, Ивашевской, но является центром прихода. Границы прихода и волости не совпадают, что случалось нередко вследствие различных причин. Тяготение деревень к ближнему селу обыкновенно более органичное, давнее и прочное. Именно границы прихода определяют чаще всего круг брачных связей, родственных гощений и, как следствие, единство обрядовых циклов в фольклорных традициях. Упомянутые выше свадебные причитания д. Тормасово (в рукописи *Тормозова*) прихода Лазарцевского господ Всеволодских, записанные со слов дворовой девицы Марфы Васильевны Кругликовой, и сведения о «Крестьянской свадьбе» из села Лазарцево-Фомино, сообщенные учительницей госпожой Маклаковой, могут быть рассмотрены как единое целое. Именно такая попытка была сделана редактором этих материалов¹⁰. Надо заметить, что редакция вышла не вполне удачной. Причитания Марфы Кругликовой скомпонованы точно и последовательно, без перемен в составе «действующих лиц» (адресатов причитаний); отдельно обозначен цикл причитаний невесты-сироты. В сводном варианте, где некоторые тексты добавлены или заменены на более протяженные, эта цельность пропадает, и свадебный цикл теряет достоверность конкретной ситуации, судьбы, воспоминания. Впрочем, на свадебных циклах мы не будем останавливаться; они должны быть темой специальной работы, в которой следует не только проанализировать материалы собрания Титова, но и сопоставить их с относительно недавними публикациями, отражающими традиции соседних Владимирской и Нижегородской губерний¹¹.

Для похоронно-поминальной обрядности такой возможности за отсутствием публикаций нет, в связи с чем «вопли» Анисьи имеют особую ценность. Для того чтобы разобраться в их специфике, обратимся прежде к биографии вопленицы и приведем ее полностью.

Биография Анисьи Серебряковой

Анисья, так зовут вопленицу, со слов которой записаны вопли, как погребальные, так и свадебные, 69 лет от роду высокая ростом довольно полная и очень хорошо сохранившаяся несмотря на свою трудовую и не веселую жизнь. Вот ее история.

Анисья, пяти лет и еще четверо детей остались у матери по смерти отца. Они были так бедны, что Анисья с братьями ходила собирать милостину, бегать она еще не могла, так что братья таскали ее за руки. Братья 12 лет поступили на полную барщину, а Анисья ходила за ягодами, грибами для господ. На 14-м году ее выдали за муж за бедного сироту, который занимался шитьем, а о крестьянских работах не имел понятия. Так что когда он в первый раз выехал орать, т. е. делать полосы, пахать и сеять, она должна была его учить. Детей родных у них не было. Еще бывши в барщине и плативши оброку 100 р. в год, она посылала мужа в Петербург огородником, а полевую работу справляла сама; орала, пахала, сеяла, одним словом всю крестьянскую работу. И слава богу поправились и не имели нужды. Тогда она взяла к себе на воспитание племянника, мальчика семи лет. Выростила его, женила, а он с ней прожил только одно лето; не захотел на барщину ходить за них. Она отделила его как родного сына.

Потом она взяла к себе племянницу и ее тоже выростила, выкормила и отдала за муж в хорошую семью. Они жили рядом, так что она и за детьми ее [ходила – пропущено], даже люлька висела у нея в избе. После смерти своего мужа и мужа племянницы, она по просьбе ее перешла жить к ней, продавши свою избу и все имущество перенесла к ней. Так Анисья прожила у племянницы, работая у ней всю крестьянскую работу и положивши все свои деньги в ее хозяйство.

По прошествии 12 лет племянница выгнала ее из дому не давши ничего из имущества кроме образов. Так Анисья, получивши только свои образа, пошла к племяннику, у которого живет и теперь в подполье. Летом ходит по нянькам, а зимой прядет, возит дрова и ходит читать отходную по покойникам. Вопить не ходит, да у них и нет этого обычая.

В биографии проступают черты живого рассказа: память героини опирается на фигуры, обозначающие отношение к миру в собственных традиционным формам устной словесности образах (как малютку таскали за руки братья, как она сама учила мужа пахать, как племянница изо всего имущества отдала ей только иконы). В то же время жизнеописание вопленицы содержит черты, типологически соответствующие особому дару и функции «знающего». Судьба Анисьи – не рядовая: таковы и обстоятельства рождения (младшая сестра многих братьев), и раннее сиротство, и не вполне сбывшийся бездетный брак

с неумелым, нехозяйственным мужем. Но самосознание ее – классическое, крестьянское. Она восполняла неполноту своей доли – делала всю полевую работу, воспитывала, как родных детей, племянников. Высокая самооценка выражена в правильной ценностной шкале: все умела, всегда работала. В подобающий по возрастной циклизации период (старости, безвременья) проявилось особое знание, которым она владеет – читать отходную. Определенная временная структура жизнеописания также отсылает к традиционным формам сознания; ключевые события повторяются в определенном ритме. Хронологию жизни нашей героини можно представить в виде реконструкции, в которой часть дат точно указана, остальные же приведены нами условно, исходя из рассказа:

Родилась	1814 год
Осиротела	1819 год
Выдана замуж	1828 год
Семейная жизнь, хозяйство наладили	1828 – 1840
Растила племянника, женила, отделила*	1840 – 1852
Растила племянницу, выдала замуж, помогала ей**	1852 – 1864
Овдовевши, перешла к племяннице, продала свою избу и жила 12 лет, покуда ее не выгнали	1864 – 1876
Живет теперь у племянника в подполье, работает	1883 г. (?)

Биография Аниствии, ясно и крепко написанная, не согласуется с текстами записанных от нее *воплей* или *причетов*. Особенно странно выглядит последняя реплика: *вопить не ходит, так как это не принято*, противоречащая самому факту существования первых текстов комплекса. К этой загадке мы вернемся после рассмотрения некоторых существенных свойств причетов, записанных от Аниствии Серебряковой.

1. Адресаты. От Аниствии записаны *вопли* по отцу, матери, сестре, брату, свекру, свекрови. В то же время из «Биографии» очевидно, что она не могла участвовать в похоронах отца, а также свекра и свекрови, которых у нее просто не было. Перечень констатирует состав классической большой крестьянской семьи; он отсылает не столько к горестным утратам, сколько к утверждению правильного порядка жизни, в котором смерть – необходимый элемент, а потери и перемены утверждают незыблемые основы бытия.

2. Ситуации произнесения причитаний обычно структурируют похоронно-поминальный чин. Самый большой цикл составляют 8 причитаний по отцу:

– *когда она увидит, что он кончается**

* от семи лет до 17-18, обычного брачного возраста, прибавляем и недолгое время совместной жизни

** повторение событий перенесено (выражено) в хронологии.

- *когда положат в гроб**
- *когда привезут священника поднимать тело**
- *когда понесут покойника вон из деревни и станут прощаться*
- *дорогой когда повезут в церковь*
- *в церкви*
- *когда из церкви понесут на могилу*
- *приходя из дому на могилу до 40-го дня*¹².*

Из причитаний по матери записаны два (*вопли дочери по матери, когда она кончается, и как начнут в гроб класть*), после чего следует реплика: «остальные причоты одинаковы как и по отце». Причитания жены по мужу, сестры по брату, по сестре, по свекру, по свекрови ограничиваются одним текстом (*когда кончается*) и отсылкой к «причотам по отцу» или «по матери». Подобные пометы встречаются и в других ростовских материалах; они выказывают ориентацию на устойчивый образ похоронного обряда, хорошо известный информаторам, а может быть, и авторам записей. В других комплексах материалов чаще всего встречается два текста, *когда хоронят* и *на могиле*. В записях учительницы Маклаковой (территориально самый близкий материал) – *когда несут дорогой* и *когда опускают в могилу*.

3. Начало причетного цикла. В причетах Анисьи заглавная ситуация (*когда кончается*) оказывается самой важной. Эти тексты индивидуальны, ими обозначен каждый из семейных «чинов». В то же время таких помет нет в других ростовских материалах; такое начало неизвестно по публикациям. Развернутый *Плач дочери по отцу* из «Причитаний Северного края»¹³ разделен на следующие эпизоды: *когда умершего оденут, когда понесут из дому к церкви, когда поднесут к буюву, по окончании чина погребения, когда выносят на буюву, на могиле*. Пометы к плачам А.А. Федосовой несколько иного плана, они не только несут этнографическую информацию, но отмечают движение, жест, включение нового персонажа (как реплики в драматическом тексте); среди них тоже нет соответствий началу причетных циклов Анисьи.

4. Композиция и поэтика. Не имея возможности развернуть обстоятельный анализ, ограничимся демонстрацией «параллельных текстов» причитаний *когда кончается*. На первой странице Приложения приведены четыре текста, сопоставление которых обнаруживает устойчивую композицию из двух частей: этикетное описание ситуации и наставление, *наказ*, который соединяет усопшего и живых. При этом оба мотива развиваются самостоятельно в каждом причете, и если инициумы содержат некоторые общие формулы, то основные части сугубо индивидуальны.

Главный мотив обращения к свекру – благословление на праведные труды, которое произносится сначала от его имени, а потом еще раз испрашивается; также удвоен основной мотив, просьба принять

детей, как родных, в причете по сестре. В причитании по брату его забота, *раденьице* по племянникам, подчеркнуто отрицательным удвоением, *токова теперь не будет*; заботы свекрови описаны с помощью того же риторического приема – теперь *всякая заботушка падет на меня горькею*. Ярче и проще функция наказа-завета выражена в причитании по мужу, здесь он сформулирован как вопрос: *принимать ли второй закон* (выходить ли еще замуж). В причитаниях по матери указанные мотивы «укрыты» в излиянии горестных чувств и рассредоточены, утрата материнского *раденьица* завершает второй текст. Но *наказ* – образ единой семьи, милых братьев и невестушек, кристаллизуется во всем объеме двух причитаний. Композиция цикла воплей по отцу принципиально иная, здесь текст следует «за действием». Приводим один не опубликованный прежде текст этого цикла, динамика и свободное дыхание которого отличается от всех остальных.

Итак, в корпусе причитаний Анисьи проступают две идеи, два замысла.

Один соответствует комментирующей (точнее, утверждающей и ведущей обряд) функции причитаний как виду, то есть языку обрядов перехода. Другой трудно выразить терминологически однозначно: это своеобразное описание и утверждение житейских норм, вызывающее в памяти тексты Домостроев¹⁴ или своды «обычного права», составленные этнографами из собранных по специальным вопросам материалов.

5. Версификация. Причитания Анисьи, на первый взгляд, не упорядочены по объему стиха. Не надежен другой важный фактор – организующий стих, соотношение сильных стиховых позиций. Нет уверенности в учете всех смещений против нормативного речевого ударения (в тех случаях, когда «перенос» ударения отмечен штрихом над буквой, мы выделяем ее жирным курсивом), как и в том, что для записи причитания произносились «на голос», не были просто наговорены. В таком условном виде часто затмевается основной фактор соотносительности единиц поэтической речи, их интонационное подобие, и протяженность звучания стиха становится менее действенной координатой. Внести большую ясность может только аудиозапись и расшифровка хотя бы небольших фрагментов причитаний.

Тем не менее, подсчеты слогового состава выявляют тенденцию 9-ти сложной нормы: всего по всем текстам на 165 9-сложных стихов приходится 8-сложных – 69, 10-сложных – 52, 11-сложных – 21, 7-сложных – 13, 12-сложных – 10.

Даже беглое чтение приведенных текстов позволяет заметить большое число устойчивых форм: постоянных эпитетов, формульных именованных и обращений элементов повествования. Эти общие моменты действительны для одного текста, равно и для всех при-

читаний Анисьи¹⁵. Классические композиционные черты песенного нарратива – нанизывание параллельных грамматических форм, повторы эпизодов работают почти в каждом тексте. Обратим внимание и на более изощренные приемы – целые гнезда слов одного корня, переплетение и столкновение различных грамматических форм, противостоящие инструментровке стиха напоминают изысканный стиль «плетения словес». Соотношение устных причетных традиций и литературного жанра «плача» давно привлекало внимание исследователей¹⁶. Мы не стали бы вскользь касаться такого сложного вопроса, если бы это не относилось к существенному свойству ростовской культуры, насыщенной рефлексами книжности, а также к особенному положению Анисьи Серебряковой.

Возвращаясь к оставленной до времени загадке – противоречию между фактом зафиксированных *воплей* Анисьи и отрицанием его в заключительной реплике биографии – мы должны остановиться еще на двух позициях.

6. Терминология. Не случайно на протяжении всей статьи мы использовали несколько терминов для записанных от Анисьи текстов; собственно, и название их в рукописи двойится, *вопли или причоты*. С одной стороны, аутентичные термины действительно разнообразны и неоднозначны. Помимо местных особенностей, диалектных форм, обилие терминов возникает благодаря тому, что они относятся к разным сторонам обрядового текста:

1) особенному способу произнесения, звуку (воплъ, голошение и т.п.);

2) особому способу порождения текста, нанизывания, присоединения слов (причитание, причеть и т.п.);

3) особому эмоциональному состоянию, горестному переживанию (плач, плакса и т.п.).

В конкретной традиции могут поочередно употребляться термины из разных рядов, варианты же одного ряда практически не соединяются.

Собиратели далеко не всегда обращали внимание на термины локальных традиций, используя «правильные», утвердившиеся уже в литературе обозначения как всем известные и обязательные. В связи с этим возникали иногда парадоксальные ситуации – существенные явления традиционной культуры могли оказаться незамеченными, потому что вопросы о них задавали «другими словами». Возможно, и слово «воплъ» было неволью заимствовано из «Причитаний Северного края»¹⁷. Мы не знаем, кто и каким образом вел запись в Никулкине; был ли это один человек, или биография Анисьи была записана отдельно как важный компонент готовящегося к публикации материала, но привести к такому казусу могла именно несогласованность терминов.

8. Похоронно-поминальный чин в традиционной культуре не однозначен, он существует в двух измерениях – как церковная треба и как семейный/общинный обряд. Представление о нем зависит как от особенностей конкретной традиции (локальных, конфессиональных, исторических), так и от личной позиции информатора и собирателя¹⁸. Невозможно решить однозначно, различие или разногласия в двух кратких описаниях: **Обряды погребения** из рассматриваемого комплекса материалов содержат только молитвы, а в материалах из села Караш утверждается, что «ни одне похороны не обходяться без причитаний: не причитать по покойнику значит навлечь на себя общее нареkanie»¹⁹.

Недавние публикации тщательно и последовательно собранных материалов дают представление о сопряжении нескольких «языков» похоронно-поминального чина в обряде «ходить по покойнику» (вар. «сидеть по покойнику»); в него входят чтение Псалтири и молитв, пение духовных стихов, причитания²⁰. Выражение одной функции параллельно текстами разного рода – важное свойство традиционной культуры; оно лежит в основе народного православия. Анисья «ходит читать отходную по покойникам». Первый текст (*когда кончается*), начало домашнего отпевания, является своеобразным замещением Канона на исход души. Не случайно в нескольких текстах возникает образ *как душа с телом расставалась*, ключевой для одного из самых важных и устойчиво бытующих духовных стихов. Другая линия протягивается к опыту церковной жизни: напомним о причитаниях, обращенных к причту, о причитании в церкви. В поминальном стихе на 40-й день классическому обращению к стихиям (*ты зайди-ко туча грозная, завейте ветры буйные, раскройся мать сыра земля*)²¹ у Анисьи предшествует уникальный образ *слезяной реки*, который перекликается с другой рекой, огненной – из апокрифических сказаний и стихов о посмертных мытарствах души.

В крестьянской среде знание молитв, умение читать Псалтирь, отправлять домашние «требы» – отпевания и крещения – высоко ценились, и можно понять горделивую самооценку Анисьи и ее неприятие термина совсем другого рода: «вопить – не ходит».

В завершение нам остается признать, что причоты, записанные в д. Никулкино от бобылки Анисьи, требуют пристального внимания, серьезного исследования, некоторые вехи которого лишь намечены в настоящей статье. Эти тексты заставляют задуматься о многих существенных для фольклористики и этнографии проблемах и в то же время дают возможность ощутить особенный объем ростовской культуры, обусловленный органичным, давним взаимодействием разных ее форм.

**

- ¹ Настоящая статья развивает тему, начатую публикацией в предыдущем томе материалов конференции. См.: Васильева Е.Е. Фольклорно-этнографические материалы в собрании А.А. Титова // ИКРЗ, 2007. Ростов. 2008. С. 310-322.
- ² В 80–90 годы XIX века идея собирания русского песенного фольклора нашла воплощение в деятельности Песенной комиссии ИРГО. Маршруты экспедиций были задуманы как единая линия, обнимающая русские земли от Севера (Заонежье, Белое море) к юго-востоку (Вологодская, Костромская), далее по Волге к Нижнему Новгороду и, замыкая круг, к Западу. В Ярославской губернии был затронут только Рыбинский уезд. Не были обращены к этой территории интересы исследователей и в последующие периоды. Эту «географическую несправедливость» взялась исправить комплексная экспедиция Семинара молодых фольклористов (со временем из него вырос сектор фольклора РИИИ в С-Петербурге), которая в 1969 г. по замыслу И.И. Земцовского отправилась в Угличский район. Материалы опубликованы. См.: Угличские народные песни. Из новых записей русских народных песен / Сост.-ред. И.И. Земцовский. Л.-М., 1974. 288 с.). Экспедиционная работа в этих местах не была продолжена. В Ростовском районе производили единичные записи московские фольклористы; сколько-нибудь значительного фонда ростовских материалов не удалось обнаружить в собраниях Петербурга и Москвы.
- ³ Так изданы «Песни Заонежья» П.Н. Рыбникова, первооткрывателя живых эпических традиций русского севера, «Онежские былины» повторившего и превзошедшего его маршруты А.Ф. Гильфердинга; этим примерам следовал Е.В. Барсов, а также собиратели следующего поколения: А.В. Марков, А.Л. Маслов, А.Д. Григорьев и др.
- ⁴ ОР РНБ. Тит. 2050; на первом листе общее название рукописи «Причитания Ростовского уезда, собранные А. Титовым в 1883 году». По-видимому, это был один из этапов работы над публикацией. Почти все тексты в этой рукописи беловые; некоторые материалы сохранились также и в виде черновиков под другими шифрами Титовского собрания. К сожалению, именно тот материал, о котором пойдет речь далее, в первоначальном (условно *полевом*) виде найти пока не удалось.
- ⁵ Помещены в той же беловой рукописи.
- ⁶ Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М., 1885. В ОР РНБ хранится рабочая рукопись, включающая иллюстрации, карту, сведения по «народным училищам» и статистические сведения (Тит. 1920). Она была существенным подспорьем в работе над фольклорно-этнографическими материалами. Ссылки даются по репринтному воспроизведению, осуществленному в 2008 г.
- ⁷ В предыдущей статье было высказано такое предположение, оказавшееся справедливым.
- ⁸ Титов А.А. Ростовский уезд... С. 175.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Имя его не названо, судя по общему названию беловой рукописи, это мог быть сам А.А. Титов.
- ¹¹ Традиционная культура Муромского края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы. М., 2008. Т. 1-2. Раздел 2-го тома «Музыкальный фольклор». С. 7-383; Нижегородская свадьба, Пушкинские места, нижегородское Поволжье, Ветлужский край. Обряды, причитания, песни, приговоры. СПб., 1998. 311 с.
- ¹² Тексты, отмеченные звездочкой, опубликованы в Приложении к статье «Фольклорно-этнографические материалы...» С. 319-321.

- 13 Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым // Литературные памятники. РАН. СПб., 1997. Т. 1. С. 55-63; плач записан от Анны Первенцевой, дочери священника из Кулгальского прихода Пудожского уезда.
- 14 История, язык и значение этого жанра древнерусской литературы, репутация которого сильно пострадала от одиозно критического восприятия, раскрыты в издании из серии Литературные памятники, подготовленном В.В. Колесовым и В.В. Рождественской. Домострой. СПб., 1994. 400 с.
- 15 Как соотносится лексика и поэтическая грамматика одной исполнительницы с другими и каковы обобщенные характеристики локальной традиции – особые проблемы, которых мы сейчас не касаемся.
- 16 Плач Богородицы, Плач Адама, Плач Рахили, Плач Иосифа – это сюжеты укоренены и в средневековой письменности, и в устных традициях духовных стихов, и в культуре «книжной песни». Сопоставление языка и композиционных приемов, свойственным различным культурным контекстам *плача*, также является объектом исследований. Сошлемся на статьи В.В. Колесова «Языковые фигуры «плача» в литературных текстах XVII века» // Колесов В.В. Слово и дело. Из истории русских слов. СПб., 2004. С. 405-412; «Язык и стиль фольклорного плача и духовного стиха» // Там же. С. 412-422.
- 17 Применение нескольких терминов в книге Е.В. Барсова вполне логично (хотя прямого объяснения им он не дает): *причитание* относится к текстам; *вопит*, *вопленица* – к действию; *плач* – к развернутой обрядовой ситуации, сцене.
- 18 Позиция исследователя, не рассекающая объем культурного явления на части с предпочтением одной из них и пренебрежением (или критикой) другой, только еще вырабатывается. Сошлемся на фундаментальную работу Т.А. Бернштам, которая закладывает основы нового подхода к этим сложным объектам. Смертно-погребальные обряды, как и другие переходы жизненного цикла, автор описывает по схеме Требника, не отвергая то, как эта схема осуществлялась в крестьянском быту: «исход души, смертный переход... оформлялся развитым комплексом вербально-акциональных приемов, либо дополнявших церковную требу, либо заменявших ее». См.: Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000. С. 182.
- 19 ОР РНБ. Тит. 2050. Л. 149-154; с. Караш находится к юго-западу от Лазарцева-Фомина, приходы не граничат, разделены двумя десятками верст.
- 20 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. М., 2003. – 549 с.; Данченкова Н.Ю. Деревенский обычай «Ходить по покойнику». Мирская православная традиция молений об умерших (Владимирская область) // Религиозный опыт народной культуры. М., 2002. С. 171-225.
- 21 Подобные фигуры присутствуют практически во всех ростовских поминальных причитаниях; они имеют не только широкое территориальное распространение, но и уходят в глубину времен – именно на них опирается плач Ярославны из Слова о полку Игореве.

Сестры по брату

Стояла я горькая
Против своего брата милово
Против его очей ясных
И стояла я все плакала
И ронила горячи слезы
И ронила неутешныя.
Почитала я горькая
Я своо брата милаго
Да заместо кормильца-батюшки
По его я раденьицу
По его не оставленьицу
Не оставил он меня горькую
Ни в какой нужде со бедностью
Со своими меня детьми малыми.
Почитал он моих детей милых
Как своих заединые.
О! топерече я горькая
Не могу как придумати
Да его мне забыть будет
По его-то по раденьицу,
По его неоставленьицу
Приду-то я горькея
Со чужой-то со сторонушки
Со своими детьми малыми
Да к своем милым невестушкам
И не будет моим детям милым
Да токова привету хорошаго
Как от мово брата милова.

По сестре

Уж как стояла-то я горькая
Против матушки милой сестры
Напротив ея лица белаго.
И глядела-то я горькая
Как душа с телом расставалася
И говорила-то я горькая
Своей матушке милой сестре
Свет ты матушка мила сестра
Уж как знать-то ты голубушка
Хочешь оставить своих милых де-
тушек.
На ково ты больно обиделась.
Отвечала мне-ка горькей
Уж как матушка мила сестра
Чтобы мне их не оставити
Уж как мне она наказывала
Учитко ты голубушка
Да моих детей милых
Да почти моя голубушка
За своих детей роженных
Отвечала я горькея
Своей матушке милой сестре
Что не оставлю я голубушка
Да твоих детей малых
Да почитать буду за детей роже-
ных
Да заставила она голубушка
И своих детей милых
И пасть во резвы ноги
Чтобы я их не оставила
Наказала им голубушка
Моя матушка мила сестра
Чтоб почитали меня горькею
Заместо родимой матушки
Слушайтесь дети малые
И во всей ея работушки
И не даст она горе мыкати.

По свекру

Уж сидела то я горькая
У богоданнаго батюшки
У последняго кончика
Ах просила я его радельника
Уж что будет наказывать
Об работушки великой
Наказал кормилец батюшко
Вы старайтесь дети милые
Вы работайте работушку
Вы поменьше дети милые
Поменьше видьте неги хорошия
И не будьте дети милые
Знать нужды со бедностью
Ох еще кормилец батюшка
Уж как просим мы тебя радель-
ник наш
Благословенья великаго
Отвечал кормилец батюшка
Благословляю я вас дети милые
Уж как счастьем великим
Чтоб не знали дети милые
Ни какой нужды со бедностью
Как увидела я горькея
Как душа с телом разсталася
Как воскликнула я громким голо-
сом
Уж как что у нас надеялось
У кормильца-то у батюшка
Да душа с телом разсталася
Да останем мы горькии
И всего свету белаго
Уж как некому у нас горькеих
У нас работой распорядиться
Не одолела бы нас горькеих
И нас нужда со бедностью.

*В оригинале разбивка на стихи:
Уж как просим мы тебя
Радельник наш благословенья велика-
го

По свекрови

Ох сидела то я горькая
У богоданной своей матушки
У ея буйной головушки
Ох глядела то я горькая
Да уж как ей в очи ясные
На кого ты моя радельница
Оставляешь меня горькею
Со малыми со детками
Ах кому то меня горькею
Ото сна будет побудити
Ах таперича меня горькею
Одолят малы детушки
Не видать сна приятнаго
Уж станут они у меня плакати
Уж как некому их приветити
И падет на меня на горькею
И всяка заботушка
Об своих детей обдумати
И как их поить-кормить
И как их сорядить будет
Во цветно платье хорошее
Со радельницей-то со матушкой
Уж не знала этой работушки
Отстаю-то я горькея
Я всего света белаго
Богоданной своей матушки
Уж как по закону-то богоданная
По приятству дороже родимыя
Уж как-то мне горькея
Ужо как тебя забыть будет
Не забыть мне-ка до веку
До самой гробовой доски.

**Похоронный причот жены по
мужу, когда он кончается**

Как стояла-то я горькая
Против его лица Белаго
И ронила горячи слезы.
Уж как стала его спрашивать,
Ойли свет ты мой сердечный друг
Уж знать-то ты меня оставить хо-
чешь
Ты меня в молодых годах
Заставляешь ты сердешный друг
Сызнова думу думати.
Ужо как вы сердечный друг
Уж вы мне прикажете,
Принимать ли мне второй закон.
Да нечаюся я горькая
Да найдти еще такова радельни-
ка
Как жила с тобой сердешный друг.
**Вопли дочери по матери,
когда она кончается**

Ох стояла-то я горькая
Против родимой своей матушки
Ох глядела-то я горькая
Да глядела не мигаючи
Своих очей не спускаючи
Как душа с телом расставалася
Как рассталася душа с телом
Не могла то я горькая
Устоять на резвых ногах
Ударилась об сыру землю
Подхватили меня братья милые
Уж как подняли со сырой земли
Побегали невестки милые
Подбегали с ключевой водой
Расстегали на мне цветно платье
Уж как лили ключевой водой
На мою-то ли на белу грудь
И вздохнула душа в теле
И мои братья милые
Начали уговаривать
Уж ты что сестра милая
Что над собой делаешь
Изгубиши ты сама себя
Изгубиши ты навеки.
**По матери,
как начнут в гроб класть**

Уж как села я горе бедная
У радельницы у матушки
У ея буйной головушки.
Окрепляю я сама себя
Чтобы как мне-ка не плакати,
Чтобы опять тово не случилось,
Не занялась бы душа в теле.
Да некак мне-ка не терпитя,
Сами льются горячи слезы
Из моих очей ясных,
Возрыдает ретиво сердце.
И просила я братьям милым
Запрягайте-ка добра коня,
Поезжайте по отца духовнаго,
Подымали бы радельницу матуш-
ку,
Подымали бы скорохонько.
Что чувствуя я горькея,
Что не скрепить мне свое сердце,
Чтобы как мне не плакати.
Да раздумаюсь я горькая
По радельнице по матушке.
Без родимья без матушки
Не видать такова раденьца.
Что приеду я горькая
Со чужой-то со сторонушки,
Да не примут меня невестки ми-
ल्या
Да меня они дорогих гостей
Да таки раденьцем,
И не подумут думу крепкую,
Как родима моя матушка.
**По отцу, когда из церкви понесут
на могилу**

Уж все сродцы-приятели
Поддержите меня горькею
Поддержите под белы руки.
Подгибаются у меня резвы ноги
Уж как думала я горькея
Что понесут кормильца батюш-
ка
Опять ко мне во дороги гости.
А таперича я вижу горькея
Опускают во сыру землю
На житье знать вековечное.
Уж вы мои сродцы-приятели
Зарывайте кормильца батюшка
Уж вы делайте окошечко.
Ах приду я горебедная
Спрошу кормильца батюшка
Не тошно ли лежать во сырой
земли
И про свое горе буду рассказы-
вать
Уж как мне-ка горе бедному
Жить мне разтошнихонько.
Да на вольном свету живучи
Стал не мил мне-ка белый свет
Без кормильца-то без батюшки.
У Рождества-то Богородицы*
Что поставлен тут да нов город
Обнесен он крепко крепостью
Нет ни выходу ни выезду
Нет ни пешаго ни коннаго
Ни письма нету ни грамотки
Ни словеснаго челобитьца.

*престол храма в Лазарцево-Фомине.